

— Пей, Кубдя. А не за что благодарить-то. Кубдя размахнул рукой и удивился про себя, что жест у него такой легкий.

— Раз я благодарю, ты принимай—и никаких. А что отдыхать тебе, Емолин, то не придется.

— Почему так? Раз мы заслужим, почему так не придется?..

— А так.

— А кто мне помешать смет?

— Найдутся.

Емолин стукнул ребром ладони по столу.

— Нет, ты говори! Я знать желаю.

Кубдя густо улыбнулся и подмигнул:

— Найдутся, Егорыч, — други отдохнут за тебя... Ей-богу!..

— Сыны, что-ль!

— Усе мы сыны, да не одного батьки. Во-от... Ты вот дом строишь; думаешь: отдохну, поживу... Крепко, браток, строишь, с железной крышей, с голанской печкой, скажем. А тут—на тебе—выкуси! Не придется. Получится заминка.

— Какая?

Кубдя широко раскрыл слипающиеся глаза и вдруг тихо и часто-часто рассмеялся:

— Хо-хо-хо-хе-е... Дёрон, вы, зяленой, дёрон... Хо-хо-хе-е...

Емолин тоже рассмеялся:

— Хо-хо-хо-хе-е... Темень ты стоязычняя, темень... Хо-хо-хо-хе...

Из прихожей выглянула хозяйка, посмотрела, махнула рукой:

— Ой, девоньки, уморят.

И залилась клохчущим, мелким смехом.

было его тяжелое дыхание, хлопанье крыльев, испуганное кудахтанье.

Вышел из ворот учитель. У костра он остановился и поздоровался. Фамилия у него была Кобелев-Малишевский. У него все было плоское и лицо, и грудь, и ровные брюки на выпуск, и голос у него был ровный, как-то неуловимый для уха.

— Кто это там?—спросил он, указывая рукой на бегавшего Горбулина.

Кубдя бросил охапку хвой в костер. Пламя затрещало и осветило площадь.

— Егорка. Наш,—нехотя ответил Кубдя.—А тебе што?

— Курицу-то он мою ловит.

Кубдя ударил слегка колом по костру. Золотым столбом взвились искры в небо.

— Твою, говоришь? Плохая курица. Видишь, как долго на насесть не садится.

Подошел Горбулин с курицей подмышкой.

Оба они тяжело дышали.

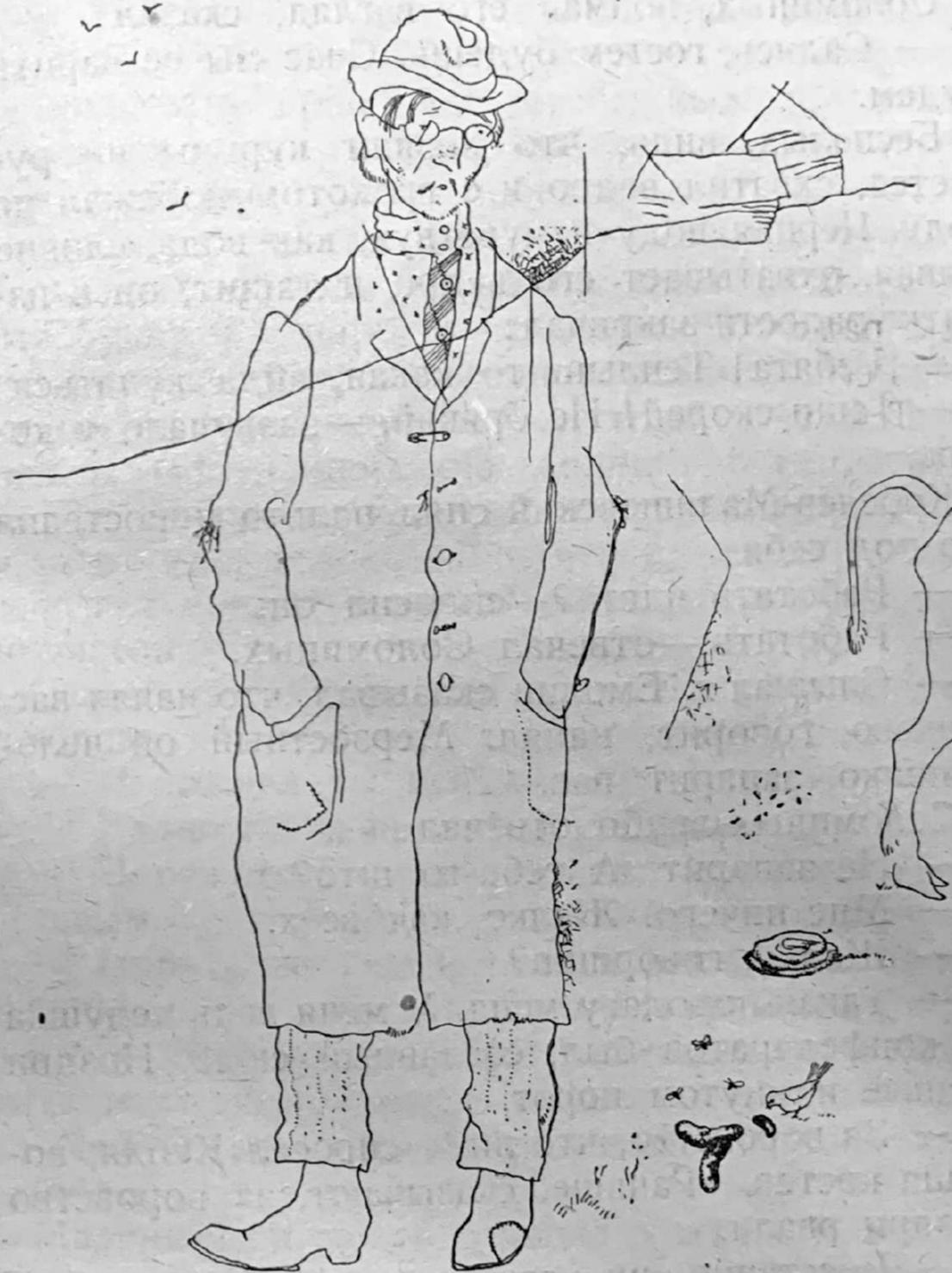
— Дай-ка топор,—обратился он к Кубде.

Учитель положил руки в карман и омрачившимся голосом сказал:

— Курица-то моя.

— Ага?—устало дыша, проговорил Горбулин.— А мы вот ей сейчас, по-колчаковски, башку долой.

Учитель хотел ругаться, но вспомнил, что в школе сидеть одному, без света и без дела, скучно. В кухне пахнет опарой, в горнице геранью; на кровати кряхтит мать, часто вставая лить квас. Ей только сорок лет, а она счи-

ском сукна: Кубдя посмотрел ему в бороду и подумал: «вот, нетяг!»

И неожиданно игумен бросил удочки на землю, как-то сразу пожелтел и, взмахнув широкими рукавами рясы, закричал на Емолина:

— Молчать!.. Не разговаривать, сукин сын!.. А-а?..

Емолин испуганно попятился, плотники взглянули на его сразу осевшую фигуру и захохотали. Монах обернулся к ним, подскочил к срубам, плюнул и крикнул:

— Прокляну, подлецы!..

И, не подобрав удочек и котелка, ушел, издали похожий на колокол.

Емолин смущенно сморщился и нерешительно протянул:

— Вот нрав.

Немного погодя добавил:

— Стерва, а?..

Плотники оставили топоры и хохотали.

За удочками пришел тонкий и длинный, похожий на камышинку, монашек в облезлой бархатной скуфье и ряске из «чортовой кожи».

— Что ты, монах будешь?—крикнул ему Горбулин.

Монашек застенчиво ответил:

— Рясофорный я... Не пострижен...

— У те чо, молоко-то бугаи эти высосали, ишь ведь как холстина?

— Они высосут!—подхватил Беспалый.

Монашек покраснел.

Плотники осмеяли его, и он, заплетаясь длин-

ными ногами в больших сапогах, потащил удочки и котелок.

Емолин долго ругал игумена, а потом набросился на плотников. Кубдя послал его к «едрёной бабушке» и подрядчик смолк. С городскими рабочими он поступил бы круче, но эти могли бросить работу и уйти.

Говорили, что в Алтае ездят карательные отряды и усмиряют крестьян. После того, как были разогнаны большевики, этих «карателей» крестьяне встречали с радостью и помогали арестовывать и бить и деревенских, и городских разбежавшихся большевиков. Теперь впереди «карателей» шло темное и страшное, что обрушивалось часто на «большевицкие» деревни и хоронило в огне и крови роптавших.

Но и каратели не появлялись по одному. Из леса стреляли по одиночкам и, подстрелив, прибивали гвоздями к плечам погоны, а потом бросали посреди дороги—на страх и поучение.

На Зосиму-Савватия—пчельника Кубдя сказал Беспалому:

Селезнев промолчал и, немного спустя, добавил:

— Как хошь, мне одно. Голько нам уйти надо. Расстреляют колчаки-то. Я седел и тюки приготовлю, под завтрашнюю ночь придут.

— Придут,—сказал Соломиных.

— В чернь, одно. Нам с этой властью не венчаться. Наша власть советская, хрестьянская...

Беспалых спросил:

— Думаешь, самогонку даст гнать?

Селезнев опять не ответил ничего и спросил:

— Как вы-то морокуете?

Решили, что да, нужно итти в чернь.

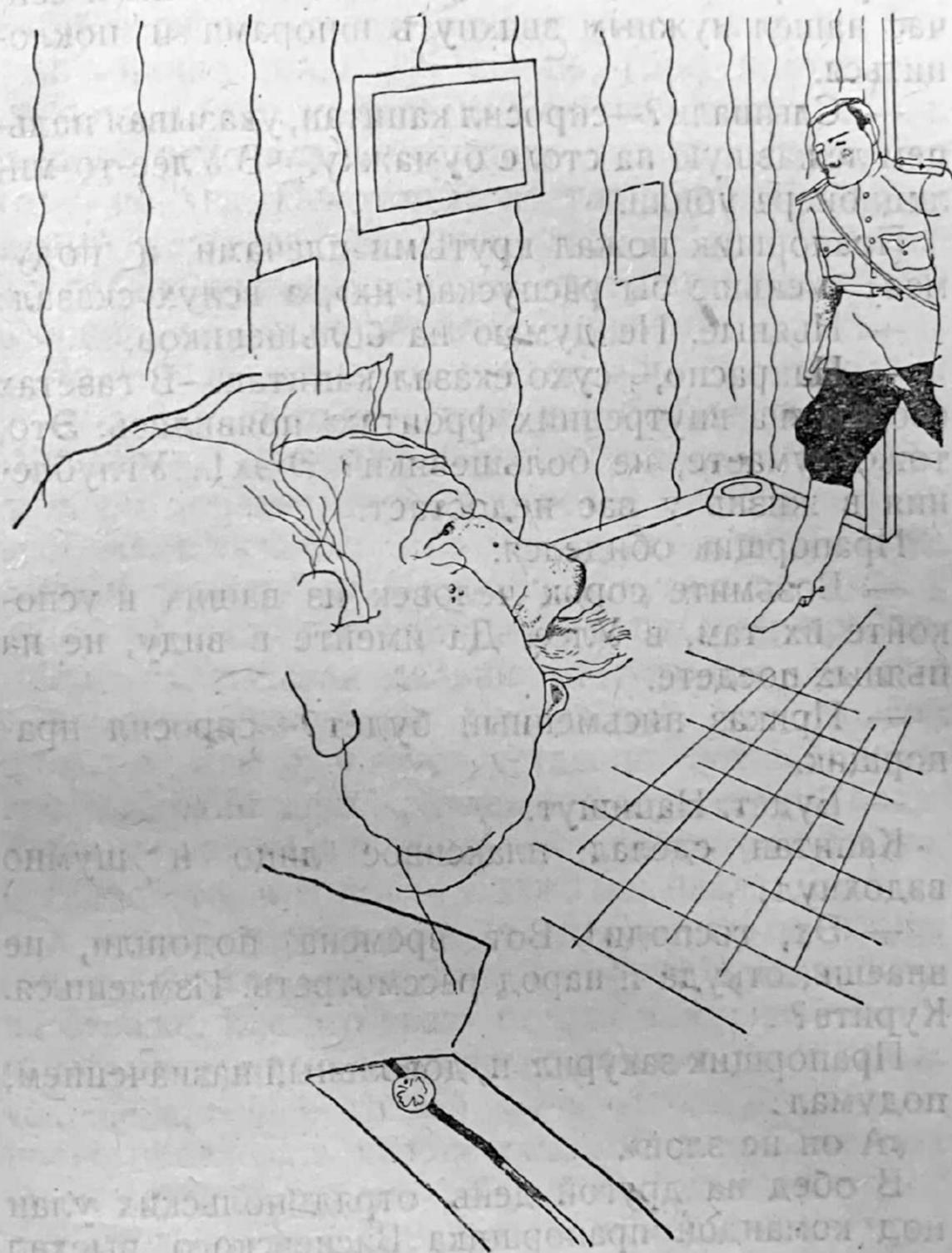
Селезнев пошел к дверям так, словно поить лошадей—не торопясь, и у него была широкая, лошадиная спина с заметным желобком посредине. Кубдя посмотрел на него с уважением и, когда он ушел, сказал:

— Здоровый чорт, и есть у него своя блоха на уме.

VI.

Приземистый и краснощекий капитан Попов, начальник уезда в Ниловке, искренно был недоволен собой. В других уездах как-будто ничего, а здесь—не то восстания, не то блажь.

— Балда! Бабища!—выругал он сам себя и велел денщику позвать прапорщика Висневского. Возвращаясь к столу, он заметил, что нога у него как-то неловко косится. Он поднял ногу на стул. Каблук скривился. Попов пощупал сапог. В таком положении и застал его прапорщик Висневский. Капитан, не глядя на него, сказал:

Петух, как созревший плод, грузно упал на землю. И тут староста ласково улыбнулся и проговорил:

— Ишь, ведь, убил.

Улан взглянул на притворявшегося старикашку, ему захотелось выстрелить в эту ровную, как столешница, трудь. Он отложил ружье.

Под вечер собрались мужики. Прапорщик отобрал десяток из них самых страшных на вид и велел посадить в избу, приставив часового. Остальных мужиков уланы выпороли и отпустили.

Прапорщик спросил старосту:

— А те, что убили—скрылись?

— Так точно,—ответил поспешно староста.

— И не знаешь где?

— Не могу знать.

Прапорщик выгнал старосту и велел позвать учителя.

— Садитесь,—сказал прапорщик Кобелеву-Малишевскому.—Очень рад познакомиться с культурным человеком.

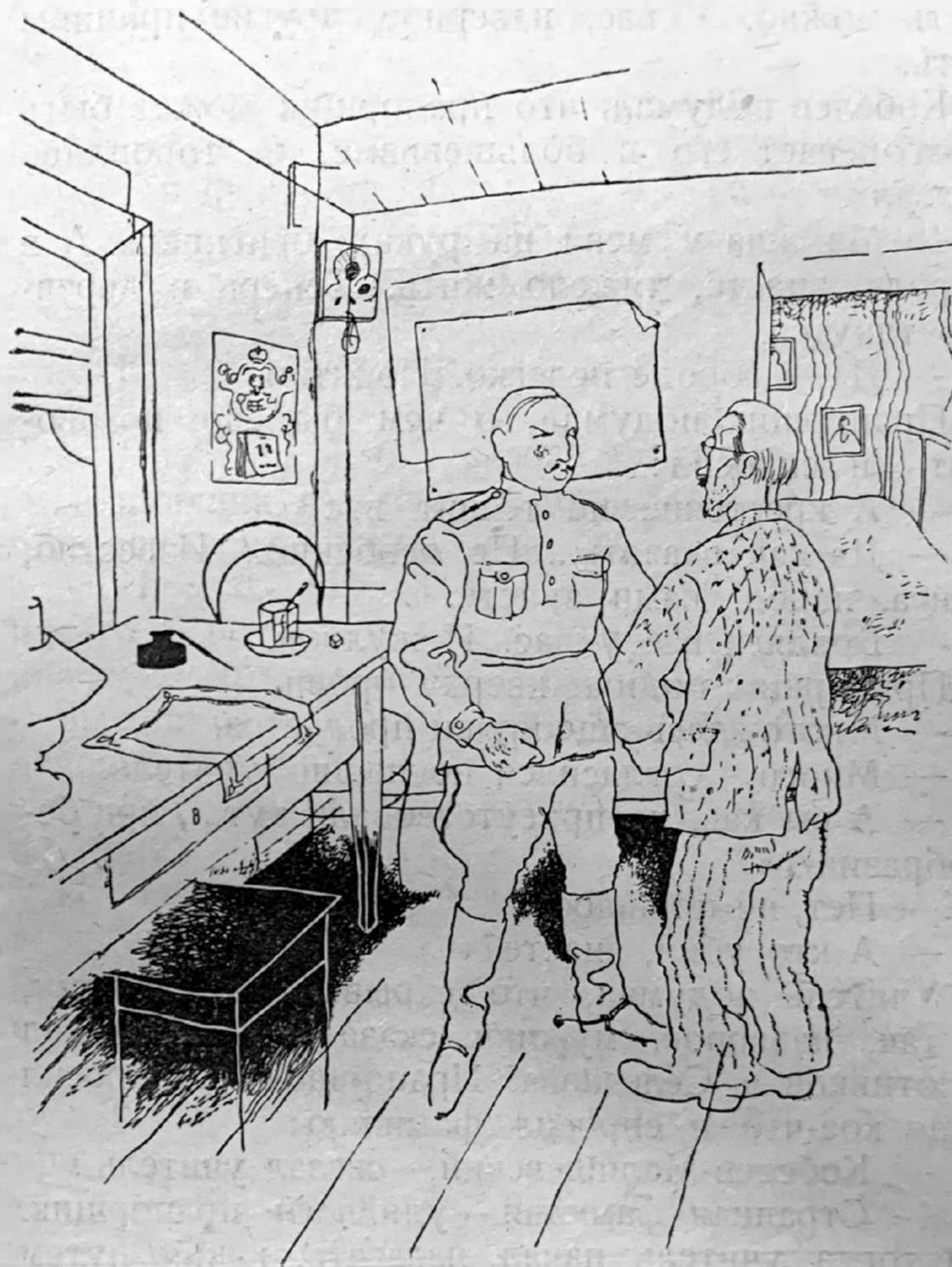
Прапорщик не любил деревенских учителей—от мужиков, по его мнению, они отличались только бритьем бороды. Так и этот хлипкий и конфузливый человек ему не понравился.

Прапорщик угостил Кобелева - Малишевского манжурской сигареткой и спросил;

— Как вы живете в такой берлоге?

— Привычка.

Кобелев-Малишевский чувствовал свою застенчивость и ему было стыдно. «Вот одичал-то», подумал он и затянулся крепче, а затянувшись, поперхнулся, но кашель превозмог.

А вслух заносчиво сказал:

— А пока я тебя арестую, понял? Садись тут и не двигайся.

Староста сел, поцарапал у себя за пазухой, зашептал что-то про себя и подумал:

— Вот засолил, паренек.

Прапорщик почистил запылившийся национальный значек на левом рукаве и приказал денщику:

— Готовь ужин.

В день, когда прапорщик с уланами поехал ловить на Смольную гору бунтующих мужиков, эти пятеро скрывающихся людей—четыре плотника и Антон Селезнев из Улеи—тоже шли на Смольную гору ночевать, но только не со стороны Золотого озера, где ехали уланы, а с востока—по осиновой черни.

При восходе солнца было еще душно.

— К дождю,—сказал Селезнев.

Шли друг за другом гуськом. Травы были по горло, ноги липли к тучной, влажной почве. Тонко пахло узколистыми папоротниками и светло-зелеными пучками, дикая крапива свивалась вокруг ног. Подгнившие от старости темные осины, сломленные ветром, наполовину уткнулись верхушкой в большетравье и приходилось итти под них, как в ворота.

Кубдя отвык ходить чернью и ругался:

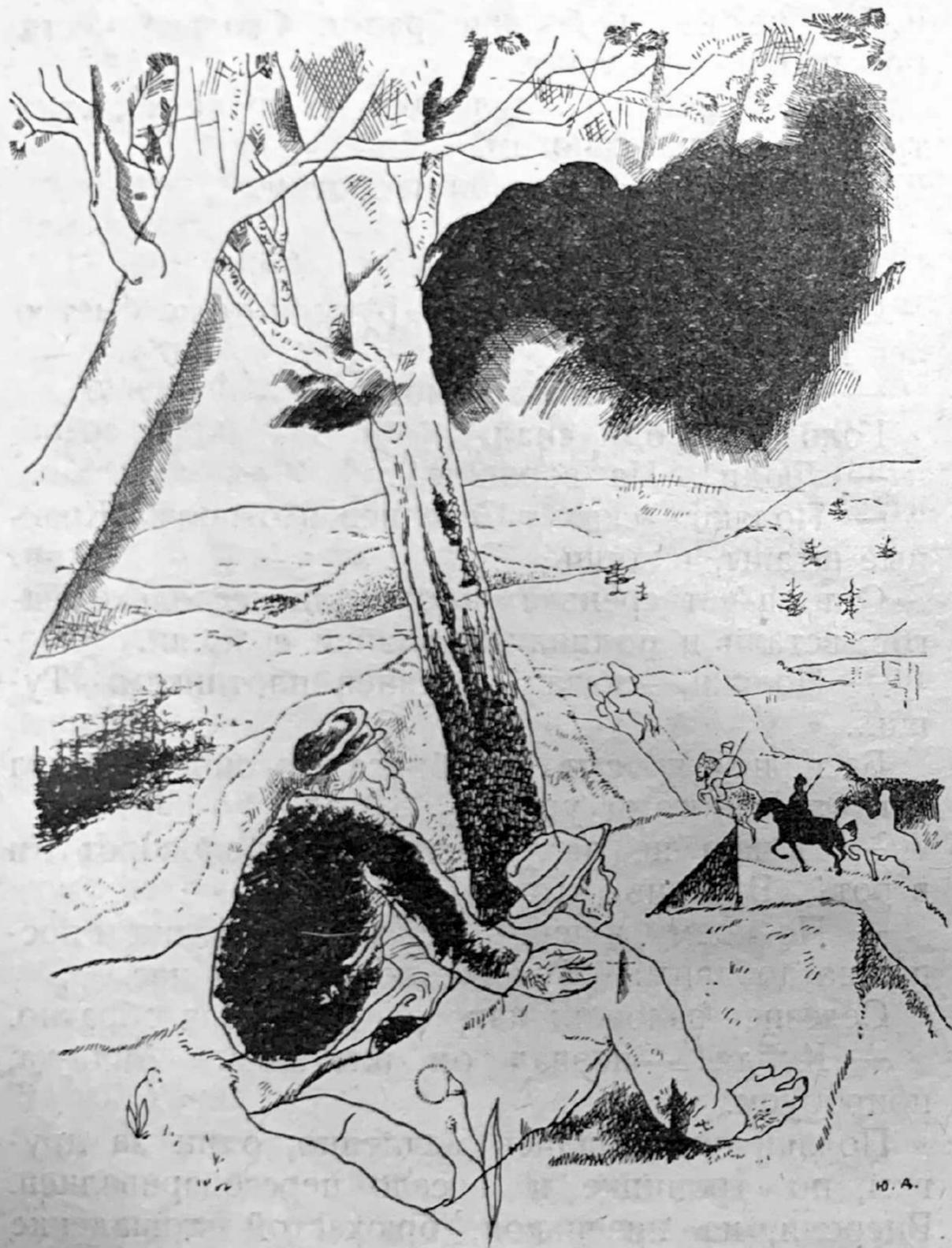
— Тут пчела-то не пролетит, не то што человек. Чтоб озером-то пойти.

Селезнев обернулся и сказал:

— А матри, парень, кабы озадков не было!

— А што?

герпеливо чесал гривы лошадям. Офицер часто оглядывался по сторонам, и даже привставал в седле. Но мужиков он наверху не замечал.

Антон близко наклонился к Кубде, так что борода его терлась о плечо плотника и, обкусывая фразы, проговорил:

— Ты того... третьево... я уж... офицера...

— А старик-то?

— Старик, зря, он... сильком, должно... Ну?..

— Жалко человека-то... Не привык я...

— Ну и оставался бы... Ничего нет легче человека... убить...

Селезнев положил ему руку на поясницу и ласково сказал:

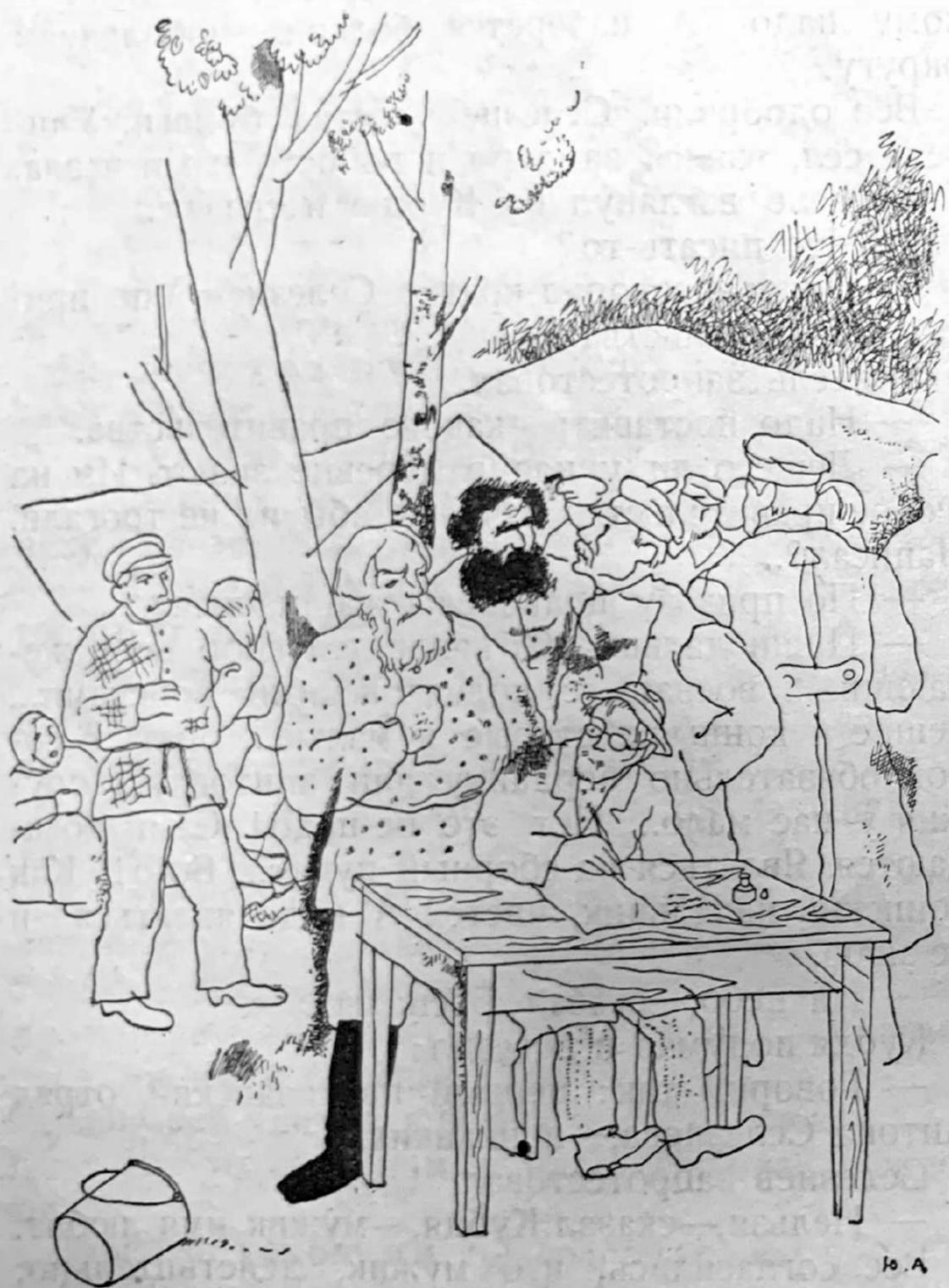
— Бери, што ли...

Кубдя на немного изнемог, поднял ружье, прицелился.

— Ну, уж бог с ним,—сказал он и выстрелил.

Как бумажки, сдутые ветром, две лошади и два человека вначале будто подпрыгнули, потом полетели вниз с тропы, кувыркаясь в воздухе. На тропе кто-то пронзительно завизжал. Беспалый выскочил на рамку камня, перегнулся и тоже выстрелил. Поляки медленно пятились, лошади храпели, а мужики, оцелившись, как волки, мокрые, бледные, стреляли и стреляли. Староста погнал лошадь вперед, но она задрожала, забилась и вместе с седоком опрокинулась вниз...

Вечером, действительно, пошел дождь. Мужики разложили большой костер под пихтой и варили щербу из сухой рыбы. Было темно, хвою словно перебирали пальцами, хрустели ветки. Па-

ревни заволновались. Казаки отличались особенным сладострастием жестокости при подавлении восстаний. Происходило это потому, что в отряды Анненкова и Красильникова записывались все, особенно обиженные советской властью. Атамановцы на погонах носили изображение черепа и двух скрещивающихся костей.

На базарах загромыхали рыдваны, заскрипели телеги—съезжался народ, а после базара, у покотины, за селом долго митинговали. Выступали какие-то ораторы, призывали к восстанию, говорили, что Омск накануне падения, в Славгороде и Павлодаре—советская власть, и по-утру, с котомками и винтовками за плечами, видно было на таежных дорогах мужиков, направляющихся к Антону Селезневу.

Город тоже жил тревожно. Говорили, что десятитысячные отряды Антона Селезнева стоят где-то недалеко в тайге и ожидают только удобного случая, чтобы вырезать весь город, за исключением рабочих. На рабочих смотрели с завистью, а начальник уезда капитан Петров часто беседовал с начальником контр-разведки поручиком Малышевым. Аресты и расстрелы учащались.

Телеграммы «Рта» сообщали, что красные уже взяли Курган и подступают к Петропавловску, Омск эвакуируется, и, словно подчеркивая эти сообщения жирной красной чертой, ползли по линии железной дороги эшелоны с эвакуируемыми учреждениями и беженцами.

По ночам тайга горела—шли палы и полнеба освещало алое зарево. И при свете этого зарева из низенькой кирпичной тюрьмы выводили за

город к одинокой белой цистерне «Нобеля» арестованных крестьян. Крестьяне крестились на горевший оранжевой ленточкой восток, и тогда в них стреляли. И неизвестно было никому, кто их хоронил и где...

В середине июля поехал в тайгу отряд атамана Анненкова. Было это, вернее, часть отряда, две роты с пулеметами при четырех офицерах. Сам атаман со своими главными силами защищал тогда от восставших крестьян Семипалатинск. Солдаты отряда были озлоблены и неудачами на фронте, и тем, что чехи отказались воевать, и тем, что сильнее разгорается восстание и их перевозят из одного места в другое и убивают и заставляют других убивать. Озлобленно они жгли деревни, скирды, пороли и вешали крестьян, а те отплачивали тем, что пристреливали отстававших или поджигали избы с ночевавшими там атамановцами.

Кубдя хотел ехать в город, дабы сговориться с большевистской ячейкой, работавшей в подполье, но прибежавший из города рабочий с мукомольной мельницы сказал, что ячейка переставлена и члены ее перебиты. Да и в отряд прибывали и прибывали люди. Имелась уже своя канцелярия, где главенствовал учитель Кобелев-Малишевский, хозяйственная часть, которой управлял Соломиных, и все больше скрипело телег в отряде, и все больше приходило людей к Кубде и к Селезневу жаловаться. Говорили обычные теперь крестьянские жалобы; сожгли хлеба, избу, угнали скот, того-то убили; у всех было одинаково почти и говорили одинаковы-

дев офицеров, словно напоказ, подождали, когда они крепко уцепились за сучья, тогда, вскинув ружья, выстрелили. Напрягая волну, река потащила тела.

Насилу добежав до конца елани, атамановцы увидели здесь свои пулеметы. Тогда они вновь почему-то почувствовали силу и начали отстреливаться.

— Назад!—оглушенно заорал Селезнев. И, как цыплята под наседку, пригибаясь, мужики побежали в тайгу.

На бегу Беспалых почувствовал боль в холке и, пощупав мокрую штанину, сообразил: «ранен». Он улыбнулся вдруг ставшим белым, как старая кость, лицом и сказал громко Кубде:

— Ранили меня...

— Эх, олово!—сказал Кубдя и, взяв его подмышки, повел.

Позади на елани опять шли вперед атамановцы. Мужики, отстреливаясь, медленно повернули вправо и пошли в горы. А их снова ровной цепью, стреляя и прячась за стволы, догоняли атамановцы. И ни мужики не знали тех, кто их догоняет, ни атамановцы не знали, кого они хотят убить.

— Ура-а!—время от времени кричали атамановцы.

Ноги у Беспалых ныли, голова тяжелела и все тело было лишнее. Его вели, подхватив под руки, Кубдя и Горбулин, а позади шел растрепанный и потный Селезнев и, после каждого выстрела, торопил:

— Иди, иди, не отставай!..

волосый человек. У этого человека был постоянно разинутый рот с болтавшимся там обрубком языка, рот, издававший такие звуки, как будто резали ножницами листы железа, и временами Кубдя никак не мог вспомнить, где он видел эти мокрые усы и веснушчатую морщинистую переносицу.

Вдруг россыпь расширилась, и они увидели перед собой голое, холмистое поле. По полю ровной цепью стояли люди с винтовками и навстречу им бежало шесть человек с револьверами. Люди были одеты в английские шинели, и мужики, взглянув на них, почувствовали холодный ветер и заметили недалекие, похожие на синеватые сахарные головы, белки снегов.

Селезнев сорвал ружье, крикнул и перервал крик выстрелом:

— Бе...

— Бу-о-ах!..

Затем он замахал руками на Кубдю, лицо его неожиданно помолодело и он торопливо сказал:

— Бросай... беги...

Он наклонился, сунул Беспалых револьвер и, пригибаясь, побежал. За ним побежали остальные.

Беспалому стало страшно и, желая скорее отвязаться от мыслей о себе, он приставил револьвер к виску, но раздумал и выстрелил в бок.

— Все?..— обрывками на бегу думал Селезнев.— Путем... ошибся.. надо было... Мокрой... Балкой...

И ему пришло в голову, что он хотел еще увидеть идущих из России красных.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Дыбенко П. — Мятежники.

Иванов Вс. — Бронепоезд
14-69.

Шенгелли Г. — Броненосец
„Потемкин“.

А. ШЕСТАКОВ (Никодим)

БУНТ ЗЕМЛИ

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1906 г.

== Стр. 112. ==

Историческая роль крестьянских движений в процессе борьбы пролетариата за коммунизм еще недостаточно освещена перед массами. Поэтому предлагаемая работа рассчитана на самые широкие круги читателей. Автор пробовал осветить крестьянское движение с несколько иной стороны, чем это обычно делалось историками. В приложении приведены образцы прокламаций к крестьянам в 1905—1906 г. с.-д. и с.-р., а также резолюции и постановления съездов и конференций РСДРП тех же годов по крестьянскому вопросу.

Брошюра принадлежит перу А. В. Шестакова, известного своими очерками и брошюрами по истории крестьянского движения.

Издана книга хорошо, читается легко и цѣли, к которой стремились автор и издательство, вполне удовлетворяет.

(Известия ВЦИК от 19 июля 23 г.)

Цена 45 коп.

Вс. Иванов.

Р. П. В.
1924

ПАРТИЗАНЫ

РАССКАЗ.

Обложка и иллюстрации работы
Ю. П. АННЕНКОВА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1923

34.108.9.92.

Вс. Иванов

ПАРТИЗАНЫ

РАССКАЗ

Г.П.П.

1923

,КРАСНАЯ

МОСКВА

ИЗДАНИЕ

Ю.А.